

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.104>

**РАЗЛИЧИЯ В ЭКСПЛИКАЦИИ НАДБЫТИЙНОГО ХАРАКТЕРА ФАНТАСТИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА И
КОНЦЕПТА «ПУТЬ-ДОРОГА» В НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ**

Научная статья

Островская К.З.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-9151-8512;

¹ Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ya.xenija555[at]yandex.ru)

Аннотация

В рамках современной науки о языке все более закономерно и разнообразно взаимодействуют такие лингвистические дисциплины, как лингвоконцептология, дискурсология и учение о национальной концептосфере. При этом определенные малоисследованные объекты (как, например, хронотоп и концепты, составляющие концептосферу народной волшебной сказки) приобретают особую значимость для интегральной характеристики и выявления новых сторон системности каждой из указанных сфер лингвистики. Таким образом, актуальность настоящей статьи обусловлена задачей обоснования системных взаимосвязей лингвистических наук при создании интегральной характеристики. Надбытийный характер сакрального в народной волшебной сказке эксплицируется в таких ее основополагающих концептах, как фантастический хронотоп и путь-дорога. Однако экспликация эта происходит по-разному, что обусловлено сутью этих концептов и их ролью в создании сказочного нарратива. Целью настоящей статьи является анализ различий в экспликации надбытийного характера фантастического хронотопа волшебной сказки и концепта путь-дорога. В качестве материала для исследования были выбраны народные волшебные сказки на трех языках (русском, немецком и английском), что позволило с определенной долей уверенности судить об универсальности выделенных особенностей для сказочного дискурса в целом, независимо от страны происхождения сказки. В силу универсальности сделанных выводов практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для аналогичного изучения народных волшебных сказок на других языках и создания моделей концептосфер таких сказок для углубления интегрального характера задействованных лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: сакральное, народная волшебная сказка, путь-дорога, надбытийность, традиционные сказочные формулы.

**DIFFERENCES IN THE EXPLICATION OF THE SUPRAMENTAL NATURE OF THE FANTASY CHRONOTOPE
AND THE "PATH-WAY" CONCEPT IN A FOLK FAIRY TALE**

Research article

Ostrovskaya K.Z.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-9151-8512;

¹ Don state agrarian university, Persianovsky, Russian Federation

* Corresponding author (ya.xenija555[at]yandex.ru)

Abstract

Such linguistic disciplines as linguoconceptology, discursology and the teaching of the national conceptosphere interact in an increasingly natural and diverse way within the modern linguistic science. At the same time, certain understudied objects (such as chronotope and concepts that make up the conceptosphere of a folk fairy tale) become especially important for the integral characterization and identification of new aspects of the systemicity of each of these spheres of linguistics. Thus, the relevance of this article lies in the task of substantiating the systemic relationships of the linguistic sciences in the creation of an integral characterization. The supernatural nature of the sacred in a folk fairy tale is explicated in such fundamental concepts as the fantastic chronotope and the path-way. However, this explication occurs in different ways, which is due to the essence of these concepts and their role in the creation of the fairy tale narrative. The aim of this article is to analyse the differences in the explication of the supramental nature of the fantastic chronotype of a fairy tale and the concept of path-way. The material for the study were folk fairy tales in three languages (Russian, German and English), which allowed to conclude with a certain degree of certainty about the universality of the highlighted traits for the fairy tale discourse in general, regardless of the country of origin. Due to the universality of the conclusions made, the practical significance of the study lies in the possibility of applying its results for a similar study of folk fairy tales in other languages and creating models of conceptospheres of such fairy tales to enhance the integral nature of the linguistic disciplines involved.

Keywords: sacrality, folk magic tale, path-way, transcendence, traditional fairy tale formulas.

Введение

Объединяя в себе Добро и Зло, чистое и нечистое, священное и скверну, сакральное принимает общезначимую для людей ценность, становится *надбытийной* концепцией в национальном самосознании. М. М. Бахтин определяет «надбытие» как абсолютно новую форму существования бытия, появление которой обусловлено появлением сознания в мире («свидетеля и судии», по определению Бахтина) [2, С. 360]. Представ перед лицом вечного (сакрального),

человек осознает его грандиозность, ощущая знакомое ему профанное бытие как крохотную часть непостижимого мира, наполненного опасностями и блаженством. По словам Р. Кайуа, человек словно стоит «на краю бездны», ощущая себя «захваченным всецело, без остатка» [4, С. 151].

Сравнивая профанное и сакральное, М. Элиаде именно последнее именуется «объективной реальностью» [8, С. 64], недвусмысленно ставя сакральное над профанным. Закрепленное в архаическом сознании представление о реальности как силе, действительности и долговечности обуславливает закрепление позиции «реального» именно за сакральным, т. к. «только сакральное есть в абсолютном смысле, оно действует эффективно, творит и придает вещам долговечность» [8, С. 30].

Французский философ Этьен Сурио, рассматривая феномен **надбытийности** (*surexistence* — в переводе на русский также часто используется термин «сверхэкзистенция»), сравнивает жизнь с дорогой, каждый этап которой одновременно является и существующим явлением, и «побуждающей формулой» для того, что еще невозможно, но чувствуется как «то, что должно быть сделано» (*пер. мой — К.О.*) [11, С. 80].

Таким образом, **надбытийность** сакрального определяет, с одной стороны, его господствующее положение относительно профанного, его упорядочивающую, гармонизирующую роль, а с другой — характер взаимоотношений между сакральным и человеком, в которых человек не способен каким-либо образом изменить суть сакрального. Эти признаки сакрального в народной волшебной сказке эксплицируются в таких ее основополагающих концептах, как **фантастический хронотоп** и **путь-дорога**. Однако экспликация эта происходит по-разному, что обусловлено сутью этих концептов и их ролью в создании сказочного нарратива.

Методы и принципы исследования

Настоящая статья рассматривает различия в экспликации надбытийного характера **фантастического хронотопа** волшебной сказки и концепта **путь-дорога**. Чтобы определить основные элементы указанных лингвистических феноменов, использовался метод логического сопоставления, руководствуясь которым, мы изучили и сравнили точки зрения разных исследователей на как категорию надбытийности, так и собственно предмет исследования и выделили особенности экспликации надбытийного характера этих лингвистических явлений. В целях обоснования полученных теоретических выводов нами был выполнен сопоставительный анализ средств вербализации **фантастического хронотопа** и концепта **путь-дорога** в сказочных дискурсах на разных языках.

В качестве материала для исследования были выбраны народные волшебные сказки на трех языках (русском, немецком и английском), что позволило с определенной долей уверенности судить об универсальности выделенных особенностей для сказочного дискурса в целом, независимо от страны происхождения сказки.

Основные результаты

В первую очередь необходимо разграничить сами понятия **фантастический хронотоп** и **путь-дорога**. Несмотря на то, что хронотоп представляет собой неразрывное единство времени и пространства (само слово «хронотоп» можно дословно перевести как «времяпространство», где временные характеристики раскрываются в пространстве, а пространственные — осмысливаются и измеряются через время), хронотоп народной волшебной сказки играет особую роль. Он создает «несущий каркас» сказки, определяющий весь мир, в котором разворачиваются сказочные события. Хронотоп «делает наглядно-зримым образ мира, заложенный в структуре данного жанра» [5, С. 30]. При этом в волшебной сказке допустимы любые эксперименты с пространственно-временным континуумом. Наличие характерных для сказки пространственно-временных характеристик в реальности невозможно, однако жанровые особенности предполагают наличие пресуппозиции существования у заведомо вымышленных обстоятельств и свойств. Характерное для волшебной сказки двоемирие, т. е. одновременное присутствие реального и фантастического начал, подразумевает необходимость преодоления разрыва между невозможностью описываемых событий и их представлением рассказчиком как действительно существующих. При этом слушатель/читатель сказки знает, что происходящее в ней нереально, но на время рассказа допускает восприятие излагаемых событий как возможных. Этот условный «кредит доверия» подчеркивается тем, что описываемым событиям приписываются физически недостижимые или заведомо вымышленные пространственно-временные координаты.

Таким образом, фантастический хронотоп народной волшебной сказки в процессе развертывания сюжета приобретает **надбытийный** характер — он одновременно упорядочивает повествование и переносит его на другой пласт реальности, отличный от того, где находится как рассказчик, так и читатель/слушатель сказки.

В то же время **путь-дорога**, которым идет протагонист сказки, в гораздо большей степени увязан не с единством времени и пространства (несмотря на то, что движение протагониста происходит в рамках фантастического хронотопа), но с необходимостью пройти определенный путь развития, на каждом этапе которого он должен делать определенный моральный выбор — проходить некое испытание. М. М. Бахтин пишет: «Можно прямо сказать, что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги — выбор жизненного пути...» [2, С. 271]. В полном смысле слова можно утверждать, что путь-дорога для сказочного героя — его судьба, и выбирая, по какому пути идти, а главное — как идти по выбранному пути, герой проходит главное испытание в своей жизни, за что получает либо награду, либо наказание. Это утверждение равнозначно как для русского, так и для немецкого и английского сказочных дискурсов: во всех трех языках **путь-дорога** (*der Weg, way*) составляет канву народной волшебной сказки, отдельные элементы которой подчас в точности повторяют друг друга в разных языках.

Можно сказать, что каждый этап пути-дороги протагониста представляет собой одновременно реальное событие и триггер для последующего этапа: в зависимости от выбора, протагонист либо продвигается дальше, либо вынужден возвратиться к исходной точке, чтобы пройти то же самое испытание заново. В этом контексте **надбытийность** пути-дороги характеризует его как нечто непреложное, как обязательную траекторию развития протагониста, обусловленную неким высшим существом (в случае народной волшебной сказки — нравственным законом).

Таким образом, **надбытийный** характер **фантастического хронотопа** и **пути-дороги** в народной волшебной сказке определяет кардинальное различие этих составляющих сказочного нарратива. Если в случае фантастического хронотопа надбытийность означает двоемирие (единство реального и нереального миров), то в случае пути-дороги на первый план выступает непреложность испытаний, которые должен выдержать протагонист, чтобы добраться до счастливого конца своего путешествия (и сказки в целом).

Чтобы проиллюстрировать это различие, представляется целесообразным в рамках настоящей статьи сосредоточиться на том средстве вербализации, которое свойственно обоим рассматриваемым компонентам народной волшебной сказки, а именно — на **медиальных формулах**.

Н. Рошияну, создавший классификацию традиционных сказочных формул, считал, что переходные медиальные формулы выполняют исключительно композиционную функцию и употребляются только тогда, когда меняется место действия, что обязательно совпадает с началом нового эпизода [7, С. 95]. Однако, например, И. А. Разумова считает, что переходная медиальная формула, как правило, «указывает на пространственное отделение того света от этого, заменяющее границу между двумя сказочными мирами, причем указание на пространство и время неразделимы» [6, С. 71]. Таким образом переходные медиальные формулы эксплицируют **надбытийность** фантастического хронотопа народной волшебной сказки.

В то же время среди переходных формул можно выделить ряд формул, которые в большей степени характеризуют не особенности фантастического хронотопа сказки, а отдельные участки пути-дороги, которым следует протагонист. Н. М. Герасимова подчеркивает, что сказочник «выбирает их [формулы] из ряда возможностей, накопленных традицией» [3, С. 19]. При этом медиальные формулы, отмечающие начало очередного этапа пути-дороги, могут выражаться практически любыми лексемами, однако всегда отличаются единообразием: оно может проявляться как на синтаксическом уровне (например, единообразно организованные словосочетания), так и на лексическом (вплоть до использования одной и той же формулы). Таким образом переходные медиальные формулы эксплицируют **надбытийность** пути-дороги, которым следует протагонист.

Обсуждение

В качестве иллюстрации рассмотрим несколько примеров из русских, немецких и английских сказок.

В первом примере, из русской сказки, мы видим переходную медиальную формулу в классическом виде — именно такие примеры, как правило, приводятся в работах, посвященных медиальным формулам.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — подъезжают они к одному дворцу [1, С. 56].

Сочетание антонимичных пар, обозначающих временные (*долго* и *коротко*) и пространственные (*близко* и *далеко*) координаты, служит для выражения надбытийного характера фантастического хронотопа сказки: цель путешествия протагониста не подчиняется правилам реального мира. Путь, который протагонист должен преодолеть, чтобы достичь конечного пункта, нельзя выразить в привычных слушателю/читателю сказки единицах измерения, этот пункт находится одновременно близко и далеко, дорога до него одновременно долгая и короткая. Таким образом, пространственно-временные отношения, в которых существует сказочный нарратив, противопоставляются пространственно-временным отношениям мира реального (бытия), становятся надбытийными.

В немецких сказках в качестве некоего указателя начала определенного пространственно-временного отрезка (и, следовательно, этапа сказочного повествования) используется лес, в который входит либо сам протагонист, либо протагонист с его товарищами.

...gingen sie hinaus in den Wald...

...gingen sie tiefer in den Wald hinein...

...ging fort und geradezu in den großen Wald hinein... [9, С. 59-60]

Как видно в приведенных примерах из сказки «Двенадцать братьев», с каждым новым этапом пути формула, сохраняя два обязательных элемента (глагол *gehen* и словосочетание *in den Wald*), расширяется, символизируя продвижение героев вглубь сказочного сюжета. При этом для характеристики леса используются такие эпитеты, как «глубокий» («глубже в лес») и «большой» — эти эпитеты не дают указаний на конкретные точки в пространственно-временном континууме, но создают образ леса как большого и пугающего пространства, путешествие по которому может занять неопределенное время. Таким образом создается надбытийный хронотоп сказки, не имеющий аналогов в реальном мире.

Следующий пример из английской сказки интересен тем, что в нем одновременно используются переходные формулы трех видов.

Off poor Jack rides over hills, dales, valleys, and mountains, through woolly woods and sheepwalks, where the old chap never sounded his hollow bugle-horn, farther than I can tell you tonight or ever intend to tell you [10, С. 128].

Во-первых, это классическая переходная формула с перечислением локаций, по которым путешествует протагонист; во-вторых, это эпитет, определяющий отдаленность пункта назначения (т. е. пространственные координаты) через временную характеристику (*never sounded*); и в-третьих, это экспрессивная оценка самого рассказчика, который таким образом подчеркивает нереальность описываемого им мира. В совокупности все три формулы создают яркий образ сказочного пространственно-временного континуума с отчетливо надбытийным характером.

Далее мы рассмотрим примеры переходных формул, обозначающих начало (или конец) определенного этапа пути-дороги протагониста, на котором он должен выдержать испытание, чтобы перейти на следующий этап. Такие формулы отличаются от переходных формул, рассмотренных выше, тем, что, как правило, не включают в себя какие-либо пространственно-временные метки.

Так, в следующем примере из русской сказки героиня должна пропутешествовать в течение заданного времени, чтобы найти потерянного суженого.

...пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала...

...другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, еще каменная просвира изглодана...
 ...третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан, и последняя просвира изглодана... [1, С. 162]

Несмотря на то, что формулы не повторяют друг друга в точности, их синтаксическая организация явным образом перекликается и напоминает стихотворную форму: ритмика всех формул одинакова, предваряя описание очередного этапа пути-дороги, которым следует героиня, формулы формируют определенные ожидания у слушателя/читателя сказки. Слушатель/читатель сказки уже знает, что за этой формулой последует описание очередного испытания, которое должна выдержать героиня, чтобы добраться до конечной цели. Таким образом надбытийность пути-дороги выражается в обязательности прохождения испытаний, что подчеркивается повторением похожих формул.

В следующем примере из немецкой сказки переходная формула вложена в уста самого протагониста: он повторяет одну и ту же фразу перед каждым этапом своего пути-дороги. Точнее, эта фраза становится триггером для начала очередного этапа.

Wenn mir's nur gruselte! [9, С. 29–31, 33, 35]

При этом главной целью протагониста сказки является именно то, о чем он говорит в этой фразе: он хочет наконец узнать, что такое страх. И до тех пор, пока протагонист не достигнет своей цели, он будет повторять эту формулу, инициируя очередное испытание. В этом случае мы наблюдаем интересную вариацию классического сюжета сказки: протагонист сознательно стремится навстречу испытаниям, и повторение одной и той же фразы подчеркивает твердость его намерения, превращая путь-дорогу в надбытийное путешествие.

Следующий пример из английской сказки интересен тем, что в этом случае формула знаменует собой не начало этапа пути-дороги, а его успешное завершение. В сказке героиня подвергалась искушению со стороны трех мужчин, но осталась верна мужу, за что в итоге была вознаграждена воссоединением с ним. Каждое искушение описывалось по-разному, однако в финале каждый раз использовалась одна и та же фраза.

And so it was [10, С. 38].

Таким образом, прохождение этапов пути-дороги (в рассматриваемом случае путь-дорога имела скорее духовный характер, так как героиня подвергалась испытаниям в одном и том же месте) имело своей целью испытание моральных качеств героини, что вполне объяснимо, если вспомнить, что изначальной целью любой народной сказки было моральное поучение. Надбытийный характер пути-дороги в этом случае позволяет в аллегорической форме выразить общечеловеческие нравственные правила и тем самым выполнить воспитательную функцию сказки.

Заключение

Сакральное как феномен и как ядро народной волшебной сказки обладает **надбытийным** характером, определяющим особенности экспликации всех концептов в составе концептосферы народной волшебной сказки. Однако надбытийность этих концептов имеет разную окраску. В частности, в настоящей статье рассматривались различия в экспликации надбытийного характера **фантастического хронотопа** и концепта **путь-дорога**. Анализ переходных медиальных формул в примерах из русских, немецких и английских сказок позволил проиллюстрировать эти различия, а именно:

- надбытийный характер **фантастического хронотопа** народной волшебной сказки определяет уникальность пространственно-временного континуума сказки, объединяющего в себе мир реальный и мир нереальный (антимир), что выражается в использовании определенных переходных формул, демонстрирующих невозможность пространственно-временных координат сказки с точки зрения понятий реального мира (в котором находится слушатель/читатель сказки);

- надбытийный характер концепта **путь-дорога** выражает в первую очередь его связь с испытаниями, которые должен выдержать протагонист для достижения конечной цели (и, следовательно, счастливого конца сказки) — для чего ему необходимо следовать общечеловеческим нравственным принципам.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах / А.Н. Афанасьев, Л.Г. Барга, Ю.А. Новиков. — М.: Наука, 1984. — Т. 2. — 338 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — 504 с.
3. Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) / Н.М. Герасимова. — URL: http://www.folk.ru/Research/gerasimova_fornuly_skazki.php (дата обращения: 13.10.2022).
4. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
5. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале литературы 1920-1980-х годов) / М.Н. Липовецкий. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. — 184 с.

6. Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки / И.А. Разумова. — Петрозаводск: Карелия, 1991. — 151 с.
7. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки / Н. Рошияну. — Москва: Наука, 1974. — 216 с.
8. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 144 с.
9. Grimms Märchen (Komplette Sammlung - 200+ Märchen) / J. und W. Grimm. — Hrsg. v. Oregon Publishing, 2018. — 1164 s.
10. Jacobs J. More English Fairy Tales (Illustrated) / J. Jacobs. — Sagwan Press, 2015. — 280 p.
11. Stengers I. The sphinx of the work / I. Stengers, B. Latour // The different modes of existence. — 2015. — p. 11-94.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva v treh tomah [Russian Folk Tales from A.N. Afanasi'ev in Three Volumes] / A.N. Afanas'ev, L.G. Barag, Ju.A. Novikov. — М.: Nauka, 1984. — Vol. 2. — 338 p. [in Russian]
2. Bahtin M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy pojetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics] / M.M. Bahtin // Voprosy literatury i jestetiki [Questions of Literature and Aesthetics]. — М.: Hudozh. lit., 1975. — 504 p. [in Russian]
3. Gerasimova N.M. Formuly russkoj volshebnoj skazki (K probleme stereotipnosti i variativnosti tradicionnoj kul'tury) [Formulas of the Russian fairy tale (On the problem of stereotype and variability of traditional culture)] / N.M. Gerasimova. — URL: http://www.folk.ru/Research/gerasimova_formuly_skazki.php (accessed: 13.10.2022). [in Russian]
4. Caillois R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe [Myth and Man. Man and the Sacred] / R. Caillois; translated from French, prolusion, and comments by S.N. Zenkin. — М.: OGI, 2003. — 296 p. [in Russian]
5. Lipoveckij M.N. Poetika literaturnoj skazki (na materiale literatury 1920-1980-h godov) [Poetics of a Literary Fairy Tale (Based on the Literature of the 1920s-1980s)] / M.N. Lipoveckij. — Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1992. — 184 p. [in Russian]
6. Razumova I.A. Stilisticheskaya obryadnost' russkoj volshebnoj skazki [Stylistic ritualism of the Russian fairy tale] / I.A. Razumova. — Petrozavodsk: Kareliya, 1991. — 151 p. [in Russian]
7. Roshianu N. Tradicionnye formuly skazki [Traditional fairy tale formulas] / N. Roshianu. — Moscow: Nauka, 1974. — 216 p. [in Russian]
8. Eliade M. Svjashhennoe i mirskoe [Sacred and Profane] / M. Eliade; translated from French, prolusion, and comments by N. K. Garbovskiy. — М.: Moscow University Publishing House, 1994. — 144 p. [in Russian]
9. Grimm's Fairy Tales (Complete Collection - 200+ Fairy Tales) / J. and W. Grimm. — Ed. Oregon Publishing, 2018. — 1164 p. [in German]
10. Jacobs J. More English Fairy Tales (Illustrated) / J. Jacobs. — Sagwan Press, 2015. — 280 p.
11. Stengers I. The sphinx of the work / I. Stengers, B. Latour // The different modes of existence. — 2015. — p. 11-94.